

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

НА ДЮНАХ

Ганс Христиан Андерсен

На дюнах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23650132

Аннотация

«Рассказ пойдёт о ютландских дюнах, но начинается он не там, а далеко, далеко на юге, в Испании; море, ведь, соединяет все страны, перенесись же мыслью в Испанию! Как там тепло, как чудесно! Среди тёмных лавровых деревьев мелькают пурпуровые гранатные цветы; прохладный ветерок веет с гор на апельсиновые сады и великолепные мавританские галереи, с золочёными куполами и расписными стенами...»

Ганс Христиан Андерсен

На дюнах

Рассказ пойдёт о ютландских дюнах, но начинается он не там, а далеко, далеко на юге, в Испании; море, ведь, соединяет все страны, перенесись же мыслью в Испанию! Как там тепло, как чудесно! Среди тёмных лавровых деревьев мелькают пурпуровые гранатные цветы; прохладный ветерок веет с гор на апельсиновые сады и великолепные мавританские галереи, с золочёными куполами и расписными стенами. По улицам двигаются процессии детей, со свечами и развевающимися знамёнами в руках, а в вышине над улицами города раскинулось ясное, чистое небо, усеянное сияющими звёздами! Льются звуки песен, щёлкают кастаньеты, юноши и девушки кружатся в пляске под сенью цветущих акаций; нищий сидит на ступенях мраморной лестницы, утоляет жажду сочным арбузом и затем опять погружается в привычную дремоту, сладкий сон! Да и всё здесь похоже на какой-то чудный сон! Всё манит к сладкой лени, к чудным грёзам! Таким грёзам наяву предавалась и юная, новобрачная чета, осыпанная всеми благами земными; всё было ей дано: и здоровье, и счастье, и богатство, и почётное положение в обществе.

– Счастливее нас никого и быть не может! – искренне говорили они; и всё же им предстояло подняться по лестнице человеческого благополучия ещё на одну ступень, если бы

Бог даровал им ожидаемое дитя, сына, живое физическое и духовное изображение их самих.

Счастливое дитя! Его бы встретили общее ликование, самый нежный уход и любовь, всё благополучие, какое только может дать человеку богатство и знатная родня.

Вечным праздником была для них жизнь.

– Жизнь – милосердный дар любви, почти слишком великий, необъятный! – сказала супруга. – И представить себе, что эта полнота блаженства должна ещё возрасти там, за пределами земной жизни, возрасти до бесконечности!.. Право, я даже не в силах справиться с этою мыслью, до того она необъятна!

– Да она и чересчур самонадеянна! – ответил муж. – Ну, не самонадеянно ли, в сущности, воображать, что нас ожидает вечная жизнь... как богов? Стать подобными богам – ведь, эту мысль внушил людям змий, отец лжи!

– Но не сомневаешься же ты в будущей жизни? – спросила молодая супруга, и словно тёмное облачко скользнуло впервые по безоблачному горизонту их мыслей.

– Религия обещает нам её, священники подтверждают это обещание! – сказал молодой муж. – Но именно теперь, чувствуя себя наверху блаженства, я и сознаю, насколько надменно, самонадеянно с нашей стороны требовать после этой жизни ещё другой, требовать продолжения нашего блаженства! Разве не дано нам уже здесь, в этой жизни, так много, что мы не только можем, но и должны вполне удовлетво-

риться ею!

– Да, нам-то дано много, – возразила жена: – но для скольких тысяч людей земная жизнь – сплошное испытание; сколько людей от самого рождения бывают обречены на бедность, унижение, болезни и несчастье! Нет, если бы за эту жизнью не ждала людей другая, земные блага были бы распределены слишком неровно, и Бог не был бы Судьею Всеправедным!

– И у нищего бродяги есть свои радости, по-своему не уступающие радостям короля, владельца пышного дворца! – ответил молодой человек. – И разве не чувствует, по-твоему, тяжести своей земной участи рабочий скот, которого бьют, морят голодом и работою? Значит, и животное может требовать себе загробной жизни, считать несправедливостью своё низкое положение в ряду других созданий?

– «В доме Отца Моего Небесного есть много обителей» сказал Христос! – возразила молодая женщина. – Царство небесное беспредельно, как и любовь Божия! Животные тоже Его творения, и, по-моему, ни одно живое существо не погибнет, но достигнет той ступени блаженства, на какую только способно подняться!

– Ну, а с меня довольно и этой жизни! – сказал муж и обнял свою красавицу жену. Дым его сигаретки уносился с открытого балкона в прохладный воздух, напоенный ароматом апельсиновых цветов и гвоздики; с улицы доносились звуки песен и щёлканье кастаньет; над головами их сияли звёзды,

а в глаза мужу глядели нежные очи, сияющие огнём бесконечной любви, очи его супруги.

– Да одна такая минута стоит того, чтобы человек родился, пережил её и – исчез! – продолжал он, улыбаясь; молодая женщина ласково погрозила ему пальчиком, и тёмное облачко пронеслось, – они были чересчур счастливы!

Обстоятельства слагались для них так благоприятно, что жизнь сулила им впереди ещё большие блага. Правда, их ждала перемена, но лишь места, а не счастливого образа жизни. Король назначил молодого человека посланником при Императорском Российском Дворе, – происхождение и образование делали его вполне достойным такого почётного назначения.

Молодой человек и сам имел состояние, да и молодая супруга принесла ему неменьшее; она была дочерью богатого, уважаемого коммерсанта. Один из самых больших и лучших кораблей последнего как раз должен был в этом году идти в Стокгольм; на нём-то и решили отправить дорогих детей, дочь и зятя, в Петербург. Корабль был разубран с королевскою роскошью, всюду мягкие ковры, шёлк и бархат...

В одной старинной, всем нам, датчанам, известной песне «об английском королевиче» говорится, как королевич этот отплывает на богато разубранном корабле, с якорями из чистого золота и шёлковыми снастями. Вот об этом-то корабле и вспоминалось, глядя на испанский корабль; та же роскошь, те же мысли при отплытии:

«О, дай же нам, Боже, счастливо вернуться!»

Подул сильный попутный ветер, минута прощания была коротка. Через несколько недель корабль должен был достигнуть конечной цели путешествия. Но когда он был уже далеко от земли, ветер улёгся, сияющая ровная поверхность моря, казалось, застыла; вода блестела, звёзды сияли, а в богатой каюте словно праздник шёл.

Под конец, однако, все стали желать доброго попутного ветра, но он и не думал являться, если же временами и дул ветер, то не попутный, а встречный. Недели шли за неделями, прошло целых два месяца, пока дождались благоприятного ветра с юго-запада. Корабль находился в это время между Шотландией и Ирландией; ветер надул паруса и понёс корабль – совсем, как в старинной песне об «английском королевиче»:

И ветер подул, небеса потемнели;
Куда им укрыться? Где берег, где порт?
Свой якорь на дно золотой опустили,
Но к Дании злобный их ветер несёт.

С тех пор прошло много лет. В те времена на троне Дании сидел юный король Христиан VII; много событий совершилось за это время, многое изменилось, переменилось. Озёра и болота стали сочными лугами, степи – обработанными полями, а на западном берегу Ютландии, под защитой стен крестьянских избушек, выросли яблоки и розы. Но их

приходится отыскивать глазами, так ловко они прячутся от резкого западного ветра. И всё же тут, на этом берегу, легко перенестись мыслью даже во времена ещё более отдалённые, нежели царствование Христиана VII: в Ютландии и теперь, как в старину, стелется необозримая бурая степь, родина миражей, усеянная могильными курганами, изрезанная перекрещивающимися, кочковатыми, песчаными дорогами. На западе же, где большие реки впадают в заливы, по-прежнему расстилаются луга и болота, защищённые со стороны моря высокими дюнами. Зубчатые вершины дюн тянутся по берегу, словно горная цепь, прерываемая в иных местах глинистыми откосами; море годы за годами откусывает от них кусок за куском, так что выступы и холмы, наконец, рушатся, точно от землетрясения. Такова была Ютландия и в те времена, когда счастливая чета плыла на богатом корабле.

Сентябрь был на исходе; погода стояла солнечная; было воскресенье; звуки колоколов догоняли друг друга, разносясь вдоль берега Ниссумфиорда. Самые церкви напоминали обтёсанные каменные глыбы, – каждая была высечена в обломке скалы. Море перекатывало через них свои волны, а они себе стояли, да стояли. Большинство из них было без колоколен; колокола, укреплённые между двумя столбами, висели под открытым небом.

Служба в церкви кончилась, и народ высыпал на кладбище, на котором и тогда, как теперь, не виднелось ни деревца, ни кустика, ни цветка, ни даже венка на могилах. Только

небольшие холмы указывали места, где покоились усопшие; всё кладбище поросло острою, жёсткою травою; ветер так и трепал её. Кое-где на могилах попадались и памятники, то есть, полусгнившие обломки брёвен, обтёсанные в виде гроба. Обломки эти доставлял прибрежный лес – дикое море. В море растут для берегового жителя и готовые балки, и доски, и деревья; доставляет же их на берег прибой. Но ветер и морской туман скоро заставляют их сгнить.

Такой обломок лежал и на детской могилке, к которой направилась одна из женщин, вышедших из церкви.

Она стояла молча, устремив взор на полуистлевший деревянный обломок. Немного погодя к ней присоединился её муж. Они не обменялись ни словом, он взял её за руку, и они пошли по бурой степи и болоту к дюнам. Долго шли они молча, наконец, муж промолвил:

– Хорошая была сегодня проповедь! Не будь у нас Господа, у нас не было бы ничего!

– Да, – ответила жена: – Он посылает нам радости, Он же посылает и горе! И Он прав всегда... А сегодня нашему мальчугану исполнилось бы пять лет, будь он жив.

– Право, напрасно ты так горюешь! – сказал муж. – Он счастливо отделался и находится теперь там, куда и нам надо проситься у Бога.

Больше они не говорили и направились к дому. Вдруг над одною из дюн, на которой песок не был укреплен никакою растительностью, поднялся как бы столб дыма: сильный

вихрь взрыл и закрутил мелкий песок. Затем пронёсся новый порыв ветра, и развешанная на верёвках для просушки рыба забарабанила в стены дома; потом опять всё стихло; солнце так и пекло.

Муж с женой вошли в свою избушку и, живо поснимав с себя праздничные платья, поспешили опять на дюны, возвышавшиеся на берегу, словно чудовищные, внезапно остановившиеся на пути, песочные волны. Некоторое разнообразие красок вносили росшие на белом песке голубовато-зелёные острые стебельки песочного овса и песчанки. На берег собралось и ещё несколько соседей, и мужчины соединёнными силами втащили лодки повыше на песок. Ветер всё крепчал, становился всё резче и холоднее, и, когда муж с женою повернули обратно домой, песок и острые камешки так и полетели им прямо в лицо. Сильные порывы ветра срезывали белые гребешки волн и рассыпали их мелкою пылью.

Свечерело; в воздухе как будто выл, свистел и стонал целый легион проклятых духов; муж с женою не слышали даже грохота моря, а избушка их стояла чуть не на самом берегу. Песок так и летел в оконные стёкла, порывы ветра грозили иногда повалить самую избушку. Стемнело, но около полуночи должна была проглянуть луна.

Небо прояснилось, но буря бушевала на море с прежнею силой. Муж и жена давным давно улеглись в постели, но нечего было и думать заснуть в такую непогоду; вдруг в окно к ним постучали, дверь приотворилась и кто-то сказал:

– На крайнем рифе стоит большой корабль!

В одну минуту муж и жена вскочили и оделись.

– Луна светила довольно ярко, но бушующий песочный вихрь слепил глаза. Ветер дул такой, что хоть ложись на него; только с большим трудом, чуть не ползком, пользуясь паузами между порывами урагана, можно было перебраться через дюны. На берег, словно лебяжий пух, летела с моря солёная пена; море с шумом и рёвом катило кипящие волны. Надо было иметь опытный глаз, чтобы сразу различить в море судно. Это был великолепный двухмачтовый корабль; его несло к берегу через рифы, но на последнем он сел.

Подать помощь кораблю или экипажу нечего было и думать, – море слишком разбушевалось; волны нещадно хлестали корпус судна и перекатывались через него... Рыбакам чудились крики и вопли отчаяния; видно было, как люди на корабле беспомощно, растерянно суетились... Вот встал огромный вал и обрушился на бушприт. Миг – и бушприта как не бывало; корма высоко поднялась над водою, и с неё прыгнули в этот момент две обнявшиеся человеческие фигуры, прыгнули и исчезли в волнах... Миг ещё, и – огромная волна выкинула на дюны тело... молодой женщины, по видимому, бездыханное. Несколько рыбачек окружили её, и им показалось, что она ещё подаёт признаки жизни. Сейчас перенесли её в ближайшую избушку. Как хороша и нежна была бедняжка! Верно, знатная дама!

Её уложили на убогую кровать, без всякого белья, при-

крытую одним шерстяным одеялом, но в него-то и следовало укутать незнакомку, – чего уж теплее!

Её удалось вернуть к жизни, но она оказалась в жару и не сознавала ничего: ни того, что случилось, ни того, куда попала. Да и слава Богу: всё, что было ей дорого в жизни, лежало теперь на дне морском. Всё случилось, как в песне «об английском королевиче»:

Ужаснее вида и быть не могло:
Разбилось судно о риф, как стекло.

Море выбросило на берег обломки корабля, из людей же уцелела одна молодая женщина. Ветер всё ещё выл, но в избушке на несколько мгновений воцарилась тишина: молодая женщина забылась; потом начались боли и крики, она раскрыла свои дивные глаза и сказала что-то, но никто не понял ни единого слова.

И вот, в награду за все перенесённые ею страдания, в объятиях её очутилось новорожденное дитя. Его ожидала великолепная колыбель с шёлковым пологом, роскошное жилище, ликование, восторги и жизнь, богатая всеми благами земными, но Господь судил иначе: ему довелось родиться в бедной избушке, и даже поцелуя матери не суждено было ему принять.

Жена рыбака приложила ребёнка к груди матери, и оно очутилось возле сердца, которое уже перестало биться, – мать умерла. Дитя, которое должно было встретить в жизни одно богатство, одно счастье, было выброшено морем на дю-

ны, чтобы испытать нужду и долю бедняка.

Испанский корабль разбился немного южнее Ниссумфифорда. Жестокие, бесчеловечные времена, когда береговые жители промышляли грабежом потерпевших кораблекрушение, давным давно миновали. Теперь несчастные встречали тут любовное, сердечное отношение, широкую готовность прийти на помощь. Наше время может гордиться истинно благородными чертами характера! Умиравшая мать и несчастный ребёнок нашли бы приют и уход в любом домике на берегу, но нигде не отнеслись бы к ним участливее, сердечнее, чем в том именно, куда они попали, у бедной рыбацки, так грустно стоявшей вчера возле могилы своего ребёнка, которому в этот день должно было бы исполниться пять лет.

Никто не знал, кто такая была умершая женщина или откуда. Корабельные обломки были немы.

В Испании, в доме богатого купца, так никогда и не дождались ни письма, ни весточки о дочери или зяте. Узнали только, что они не достигли места назначения и что в последние недели на море бушевали страшные бури. Ждали месяцы, наконец пришла весть: «Полное крушение; все погибли».

А в рыбацкой избушке на дюнах появился новый жилец.

Там, где Господь посылает пищу для двоих, хватит и на третьего; на берегу моря хватит рыбы на голодный желудок. Мальчика назвали Юргеном.

– Это, верно, еврейское дитя! – говорили про него. – Ишь,

какой черномазый!

– А, может быть, он испанец или итальянец! – сказал священник. Но все эти три народности были в глазах жены рыбака одним и тем же, и она утешалась, что дитя крещено. Ребёнок подрастал; благородная кровь питалась бедною пищей; отпрыск благородного рода вырастал в бедной избушке. Датский язык, западно-ютландское наречие, стало для него родным языком. Гранатное зёрнышко с испанской почвы выросло на западном берегу Ютландии песчанкой. Вот как может приспособляться человек! Он сросся с новою родиной всеми своими жизненными корнями. Ему суждено было изведать и голод, и холод, и другие невзгоды, но также и радости, выпадающие на долю бедняка.

Детство каждого человека имеет свои радости, которые бросают светлый отблеск на всю его жизнь. В играх и забавах у Юргена недостатка не было. На морском берегу было чистое раздолье для игр: весь берег был усеян игрушками, выложен, словно мозаикою, разноцветными камешками. Тут попадались и красные, как кораллы, и жёлтые, как янтари, и белые, кругленькие, как птичьи яички, словом, всевозможные, мелкие обточенные и отшлифованные морем камешки. Высохшие остовы рыб, сухие водоросли и другие морские растения, белевшие на берегу и опутывавшие камни точно тесёмками, тоже служили игрушками, забавой для глаз, пищей для ума. Юрген был мальчуган способный, богато одарённый. Как он запоминал разные истории и песни! А уж

что за руки у него были – просто золотые! Из камней и ракушек мастерил он кораблики и картинки для украшения стен. Мальчик мог, по словам его приёмной матери, выразить свои мысли резьбой на кусочке дерева, а он был ещё невелик. Как чудесно звенел его голосок; мелодии так сами собой и лились из его горлышка. Да, много струн было натянуто в его душе; они могли бы зазвучать на весь мир, сложись его судьба иначе, не забрось она его в эту глухую рыбачью деревушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.